

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года  
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

# ЗАПИСКИ

## КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

---

ТОМ I

---

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД  
1925

7. The Poems of 'Amr son of Qami'ah of the clan of Qais son of Tha'labah a branch of the tribe of Bakr son of Wail. Edited and translated by Ch. Lyall. Cambridge 1919. in 4° стр. 76.

Сборник стихотворений 'Амра ибн Қамī'и, об издании которого проскользнули вести еще во время войны, является ценным приобретением для всех арабистов, особенно интересующихся старой поэзией. Возможность познакомиться с ним и в России несколько омрачается тем, что эта работа оказалась последним изданием Sir Charles Lyall, вышедшим при его жизни: он умер 1 сентября 1920 г. В английской арабистике со времени Wright'a это был несомненно крупнейший знаток арабской поэзии, особенно интенсивно развернувший свою деятельность с 90-х г. Изданный им (1891—1894) комментарий ат-Тибрийи к му'аллакам и до сих пор дает наиболее надежный текст этих десяти қасбид, хотя Lyall исходил из учебных целей. Опубликованные им (1913) дивāны 'Абйда ибн ал-Абраса и 'Амра ибн ат-Туфейля навсегда останутся памятниками серьезной филологической школы, создавшей теперь прочную почву и в Англии, как можно видеть по классическому изданию *нақайд* Джерйра и ал-Фераздақа, выполненному (1905—1912) А. Веан'ом. Известие о смерти Lyall'я заставило опасаться, что останется неоконченным издание сборника *ал-Муфасдалийāt*, работе над которым была посвящена едва ли не половина его ученой жизни. О проектируемом издании было известно уже в 1904 г. благодаря предварительному сообщению Lyall'я (JRAS — XXXVI, 315—320), текст печатался в бейрутской типографии Университета св. Иосифа еще в 1908 г. По счастью, опасения оказались преждевременными: второй том с переводом и исследованием был полностью отпечатан в Кембридже в 1918 г., а снабдить указателями текст и выпустить в свет все издание поручено проф. А. Веан'у, имя которого говорит само за себя. В скором времени должен выйти I том с арабским текстом и таким образом труд жизни Lyall'я будет достойно завершен; будет вместе с тем закончено дело, начатое Thogbeske еще в 1885 г.

Арабист подходит к дивāну 'Амра ибн Қамī'и не с таким чувством, как к рядовому сборнику стихотворений хотя бы и древнего периода. Легенда говорит, что 'Амр сопровождал Имруул қайса во время его известной поездки в Византию и умер по пути туда в возрасте более 90 лет, как можно видеть по приписываемым ему стихотворениям. Если эту поездку отнести, как предполагает Nöldeke к 530—540 г., то расцвет поэтической деятельности 'Амра придется без большой натяжки переместить во вторую

половину V в. В таком случае он явится одним из наиболее ранних известных нам поэтов и, понятно, что в его произведениях соблазнительно видеть образцы арабской поэзии в ее древнейшей стадии.

Эта возможность несколько парализуется, конечно, вопросом о подлинности. Luall производит (стр. 4—6) общий анализ и вывод его достаточно положителен: произведения ‘Амра в общем несомненно подлинные, во всяком случае не меньше чем большинство стихотворений до исламского периода. Нельзя не видеть, что такой вывод довольно сильно отличается от гиперкритического взгляда Ahlwardt’a в работах раннего периода. Нужно, однако, заметить, что Ahlwardt в своих последних изданиях значительно смягчил прежние взгляды, и дальнейшее развитие науки показало справедливость этого. С увеличением числа критических изданий, с уточнением стилистического анализа и большим интересом к нему и в области арабской поэзии мы можем опираться уже не только на одну традицию арабских национальных ученых или рукописное предание, как опору текстуальной критики. Метод внутреннего анализа, применяемый здесь Luall’ем, дает столь же устойчивые результаты, как и в более широком масштабе при издании дивана ‘Абйда. Однотипность стиля в произведениях является таким же важным аргументом в пользу подлинности, как и однородность словаря в кругу родственных племен и поэтов.

Тем более неожиданным представляется тот факт, что никаких следов древнейшей стадии развития арабской поэзии у ‘Амра нет, с какой стороны к его произведениям мы ни подойдем. Как и всегда, несомненно, что часть произведений, если не большинство, дошло до нас не в полном виде (в диване всего 220 стихов) и представляет только отрывки больших стихотворений, но и они уже характерны. Мы сразу узнаем здесь обычный тип *қасбд*, который почти синонимичен с понятием старо арабской поэзии и несомненно говорит о предшествующем долгом развитии. Этого развития не освещают произведения ‘Амра. В них—безразлично в цельных или отрывках—мы можем уловить все три или одну обязательную часть *қасбды*: *несиб*—приступ с воспоминанием о героине, *васф*— описание пути к цели и *қасд*—основную часть или с прославлением кого-нибудь или воспоминанием о своих бывших деяниях. Основные элементы *несиба* у ‘Амра для нас не новы: это—картина следов кочевья (9,1—3, 10,1), иногда с традиционным плачем над ним (7,1—4, 13,1—4), обращение к друзьям у ставки (1,1—3), воспоминание о разлуке (2,1—3, 11,1—15,1—2) и откочевке племени (6,1—5, 10,3—5, 11,4—9, 15,3—13), иногда соединяемое с описанием красавицы или переходящее в него, как самостоятельную часть (10,6—7, 11, 10—17). Об известной утонченности поэзии говорит появляющийся образ

*хайяля* — ночного видения возлюбленной (11,2—3), не свойственный вообще наиболее древним образцам поэзии. Сравнительно слабее представлена у 'Амра центральная часть — *васф* с описанием своих разъездов по пустыне (3,1—6, 5,1—4 11,27—28, 13,11—13, 15,14—16) — слабее не в смысле количества посвященных ей стихов, а по отсутствию ярких картин, служащих в старой поэзии несомненным украшением этой части. Здесь можно отметить только один маленький перл: картину жизни дикого осла в пустыне (13,14—21) и безуспешной охоты на него (13,22—32). Встречающаяся картина дождя не имеет самостоятельного значения (10,9—12). Наконец, третья основная часть *қасбды* вводит элементы прославления героя или покровителя (1,7—11, 10,13—19, 11,18 след., 15,25—29) и племени (2,8—15, 5,5—13, 11,24 след.). Иногда прославляемым является сам поэт, говорящий о своей верности (2,4), доблести и щедрости (8,1—3) в общесептенциозном стиле (3,7—8). Здесь же проскальзывают воспоминания о боях с врагами (2,16—25, 7,6—8). Более индивидуальными погами звучат два мотива. Один — вино (4,2—3), к которому относится очень популярная в позднейшее время песня (12,1—6) и живое описание пирушки (13,5—10). Второй мотив в древней поэзии часто с ним связан — мотив старости, нередкий у 'Амра (4,1, 4—5, 7,4—5, 9,4, 14,1—2) и создавший ему особую известность во всех антологиях в связи с упоминанием 90-летнего возраста (3,9—15). От старости естественен переход к превратностям судьбы, представленный правда не столько в *дйване* (6,7—13), сколько в сохранных различных источниках фрагментах (I—III). Помимо этих обще-арабских сюжетов обстоятельства биографии отражаются в частом упоминании разрыва с племенем (1,4—6, 2,5—7, 7,9—11, 8,4), в характерном объяснении перед хирским князьком Мунизром III (15,17—24), в звучащей искренностью передаче горестного изумления дочери, попавшей с отцом в Малую Азию (16).

Трактовка всех этих тем не даст нам никакого намека на примитивность творчества, ничем не отличающегося от поэтов живших и веком позже. Еще яснее это выступает при разборе формы. Она скажет нам не только о высоком развитии даже сравнительно с более поздними поэтами, но и о том, к какой категории мы должны отнести впервые изданного поэта.

Если взять метры, то мы увидим, что соотношение их не таково, как в типичной бедунской поэзии (стр. 6). Правда и здесь преобладает неизменный *тавил* (6 раз), но рядом с ним идут не совсем обычные *мутақъриб* (3) и *хафйф* (2), а к ним примыкают и совсем редкие *сарй* (2) и *мунсарих* (1). На последнем месте оказываются такие популярные у большинства поэтов ранней эпохи размеры, как *вафйр* (1) или *камил* (1). Чередо-

ванпе получается совершенно не то, какое на протяжении двух известных нам веков сохраняет бедуинская поэзия вплоть до последнего ее представителя Зү-р-Руммы.

Еще характернее выступает изысканность приемов в трактовке некоторых звуковых деталей стиха. У 'Амра можно уловить уже ту фигуру, которая впоследствии получила название *таджниса* — «сроднения», повторения созвучных слов:

لا عَجِبَ فِي مَا رَأَيْتَ وَلَكِنْ \* فِي الْمَجْلِ مَحْوَرَةٌ (5,4), حَتَّى احْتَلَلْنَا بِحَى حِلَالِ  
تَجَاوَزَتْهَا رَاهِبًا رَاغِبًا (7,1), وَمِنْ مَنْزِلِ عَائِي عَفْتَهُ رِيَّاحُ (6,10), عَجِبَ مِنْ تَفَرُّطِ الْأَجَالِ  
(15,15). Не обычен в старой не классической поэзии прием внутренней рифмы (11,9):

كَأَنَّ الْمَدَامَ بَعِيدَ النَّوَامِ \* عَلَيْهَا وَتَسْفِيكَ عَزْبًا زَلَالًا

Еще важнее то, что некоторые композиционные приемы носят, повидному, сознательный характер. Мы встречаем у 'Амра так называемую анафору или синоначатие (скреп по новейшей терминологии) — повторение одинаковых звуковых рядов в начале нескольких стихов (15,17—18):

إِلَى ابْنِ الشَّقِيْقَةِ أَعْمَلْتَهَا \* أَخَانِي الْعُقَابُ وَارْجُو النَّوَالَا  
إِلَى ابْنِ الشَّقِيْقَةِ خَيْرَ الْمَلُوكِ \* وَأَوْفَاهُمْ عِنْدَ عَقْدِ حَبَالَا

Есть у него нечто аналогичное обратному явлению-эпифоре (или концовке), правда в виде повторения не одинаковой звуковой фигуры в конце стихов, а лишь синтаксической с повторением дважды одного и того же слова (11,6—7).

Некоторый намек на эпанастрофу (или стык) — повторяющийся элемент в конце первого и в начале второго стиха мы можем усмотреть в следующем месте (11,11):

نَأْنُكَ أُمَامَةٌ إِلَّا سَوْأَلَا \* وَإِلَّا خَيْبَالًا يَوَافِي خَيْبَالَا  
يَوَافِي مَعَ اللَّيْلِ مَبْعَادَهَا \* وَيَأْبَى مَعَ الصَّبْحِ إِلَّا زَيْبَالَا

В начале одного произведения (7,1—4) своеобразный прием нагнетания внимания отделяет глагол от логически связанного с ним обстоятельства причины на четыре стиха — тоже фигура мало свойственная старой поэзии.

Таким образом, изучение стихов 'Амра приводит нас к совсем неожиданному выводу: мало того, что в них нельзя видеть образчиков творчества на ранней ступени развития, но в смысле формы они указывают на большую изысканность иногда по сравнению даже с более поздними образцами арабской племенной поэзии.

Объяснение первому факту приходится видеть в том заключении, к которому европейская арабистика за последнее время приходит все определеннее. Поэзия стала искусством в Аравии в очень давние времена, никаких памятников ее первоначальной стадии у нас не сохранилось и самые древнейшие из дошедших до нас стихотворений очень поздны в ходе эволюции национальной поэзии (Ср. Lyall стр. 7). Объяснение второму факту находим в обстоятельствах происхождения и биографии поэта. Он был из племени бекритов и принадлежал к роду, среди представителей которого нам известно несколько крупных поэтов. Ал-Мураққыш старший приходился ему дядею, ал-Мураққыш младший и Тарафа, автор му'аллаки, его двоюродными братьями. Несомненно, что в его семье поэзия культивировалась и формы ее, конечно, далеко ушли от предполагаемой примитивности. В родственных кругах у поэтов вырабатывался однородный стиль и неудивительно, что Lyall (стр. 4—5) находит точки соприкосновения между 'Амром и указываемыми поэтами. Обстоятельства жизни, еще более происхождения, содействовали превращению поэзии 'Амра в более культурную. Знакомство с Имруулқайсом говорит о том, что и поэзия последнего могла оказать влияние на старшего современника. Он бывал в Хйре при дворе лахмидских князей, а нам хорошо известно, каково было влияние его на доисламских поэтов. Все эти условия и вызвали в лице 'Амра создание поэта более культурного утопченного типа — такого как сам Имруулқайс, ал-А'ш'а или ан-Набига. Не только примитивности нельзя искать в его произведениях, но нельзя их сопоставить даже с незатронутыми культурой, более близкими к бедуйской жизни течениями у таких поэтов, как Та'аббата Шерра, 'Урва ибн ал-Вард или 'Антара.

До последнего времени произведения 'Амра были знакомы нам только по различным антологиям. Не задолго до войны стала известной константинопольская рукопись мечети султана Ф'атиха. Внимание на нее обратил молодой немецкий ученый О. Rescher, благодаря многочисленным статьям которого в различных периодических изданиях извлечен из забвения целый ряд первоклассных памятников. По фотографии с этой рукописи (начала XIII в.) и исполнено издание Lyall'я.

Как все последние его работы издание можно считать образцовым. Несколько кратко на английский лад введение (стр. 1—7), которое только намечает некоторые пункты исследования, но не всегда знакомит нас к сожалению с теми мыслями, которые неминуемо возникали у издателя при его работе над текстом. Иногда мы находим отдельные соображения в примечаниях к переводу, где они невольно ускользают от общего взгляда. Помимо обычного в изданиях указателя собственных имен, приложен еще указатель

слов, хотя вместо index of selected words, предпочтительнее было бы видеть полный конкорданс.

О полноте привлеченного при издании материала не надо распространяться: об этом говорит красноречиво и участие в работе таких ученых как А. Веван и Fr. Krenkow. Не мало помогали издателю его collectanea для *al-Mufaḍḍalīyāt*, судя по частым ссылкам на которые последняя работа обещает представить классический свод материала вообще по древне арабской поэзии и жизни. В биографии поэта я не нашел лишь ссылки на *Ṭabaqāt al-shu'arā* ал-Джумахй (изд. Hell'я 36—37); упоминание у него не лишено интереса, так как там 'Амр отнесен к поэтам VIII класса в его до сих пор не совсем разъясненной классификации. В критическом аппарате изредка пропускаются ссылки на работу Шейхō *Ash-shu'arā an-nasranīya*, хотя вообще она использована (так, например, № III, ст. 3, 10—15 = *Ash-shu'arā* 295; IV, 1,3—5 = 296—297; XIV=294; XI, 2 пропущено указание варианта *مبعاده* вм. *مبعاؤها* важного падежем). Из неупомянутых источников могу отметить *Субх ал-а'шйā* ал-Калқашанди т. XIII, 205 (= 'Амр XV, 23), *ал-Висāта* ал-Джурджāнī — 350 (= XVI, 2) и *Захр ал-ādāb* ал-Хусрī, изд. 1293 г, I, 203, где приводится следующее отсутствующее у Lyall'я двустишие:

كانت قناتى لا تلبين لغامز \* فألأنها الإصباح والإمساء  
ودعوت ربى فى السلامة جاهدا \* ليصحنى فإذا السلامة داء

Издание древнего поэта по одной рукописи, хотя бы и хорошей, представляется делом крайне трудным; значительно этому помогли цитаты из других источников, и только три стихотворения (№ 5, 7, 8) из шестнадцати не нашли себе никаких параллелей

В заключение анализа нового прекрасного издания я приведу несколько возникших у меня соображений относительно текста преимущественно со стороны огласовки.

I, ст. 1. В выражении *لا تستعجلا ان تزودا* едва ли есть нужда прибегать к сложным толкованиям (стр. 13—14) о пропуске отрицания и пр. Конструкция при *عجل* X здесь такова же, как *عجل* IV, когда . . . *أن* = торопливостью отвлек кого-нибудь от . . .

Ibid. ст. 2:

فما لبثت يوماً بسابق مغنم \* ولا سرعتنى يوماً بسابقة الردا

представляет собою септенцию общего характера, где *يوماً* — однажды, когда бы то ни было. Толкование его (стр. 13) как «staying here for a day

longer. . . my hurrying a way a day earlier» . . . едва ли возможно: в последнем случае было бы *لَبْتُ يَوْمَ*.

VII, 4 *شَيْخٌ مُّجْرَبٌ* возможно, но обычнее страд. залог *مُجْرَبٌ*.

X, 4 в стихе:

فَنَأُ الْعَهُونَ عَلَى حَوَامِلِهَا \* وَعَلَى الرَّهَائِيَّاتِ وَالْكِلَالِ

можно читать *وَالْكِلَالُ . . . فَنَأُ الْعَهُونَ*. В этом случае не будет необходимости допускать очень неодобряемой погрешности в рифме с *لِ*, раз все стихотворение на *لُ*.

X, 6 чит. *تَامَتْ فَوَادِكُ* вм. *فَوَادِكُ* т. к. *تَامَ* в данном случае имеет значение переходного глагола = *ضَلَّلَ*, как видно из комментария.

XI, 2 чит. *مِيعَادَهَا . . . يُوَافِي* вм. *مِيعَادَهَا*, так как подлежащее *خِيَالٌ*, а *هَا* = *أَمِيَّة*. Сообразно с этим надо изменить перевод (стр. 44).

XII, 4 чит. *وَكَانَ الْجَهْلُ لَوْ أَبْكَكَ رَسْمٌ* вм. *الْجَهْلُ*.

И. Крачковский.

П. Январь 1922 г.

8. *Šarḥ Al-Madnūn bihi 'ala gair ahlihi*. Commentaire d'Al-'Ubaidi sur la poésie arabe choisie par Al-Izzi. Édité pour la première fois par J. B. Jahuda. Le Caire 1913—1915. (Et sub tit. arab.) 8<sup>o</sup> min. IX — يا — ovr

Всякий, кто имел случай ознакомиться с большим собранием арабских рукописей какого бы то ни было происхождения, несомненно встречал бесчисленные списки одного грамматического школьного трактата автора середины XIII века аз-Зенджаний или ал-'Ыззи. О его популярности помимо громадного количества рукописей, говорят разнообразные названия — *التصريف العزّي — العزّي في التصريف — نصريف الزنجاني* и др.; в Европе этот трактат оказался первой арабской книгой, отпечатанной в Риме в 1610 году. Как бывает нередко, известность одного сочинения совершенно заслонила все другие того же автора; некоторые из них были знакомы по названиям, но едва ли не меньше всех та поэтическая антология, которая издана во время войны J. B. Jahuda. Существование в Азиатском Музее рукописи антологии, остающейся неизвестной Европе, дает повод сказать несколько слов о новом издании на страницах русского органа востоковедения<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Данных, сообщенных Jahuda в предисловии, я конечно не повторяю.